

Stefan Wiederkehr: Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland (=Beträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 39), Köln-Weimar-Wien: Böhlau 2007, 398 S., EUR49.90

Штефан Видеркер: Евразийское движение. Наука и политика в российской эмиграции межвоенного времени и в постсоветской России, Köln-Weimar-Wien: Böhlau 2007, 398 стр., 49.90 евро.

Евразийское движение, громко заявившее о себе в 1921 году своим программным текстом *Исход к Востоку*, принадлежало к самым оригинальным течениям «первой» русской эмиграции (1920-1940гг.). Поднятые евразийцами темы детально обсуждались русской эмиграцией. Тем не менее, во второй половине 30-х годов это движение, которое поначалу привлекло всеобщий интерес, распалось. В дальнейшем учение евразийцев представлялось лишь эфемерной и окончательно завершённой главой истории идей русской эмиграции. Спустя пятьдесят лет эти, казалось бы, навсегда исчезнувшие евразийские теории неожиданно получили второе рождение. Уже в конце горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все очевиднее, многие российские поборники имперской идеи пустились на поиски нового объединяющего принципа для разных народов и религиозных общин советской империи и открыли при этом евразийские идеи. Подъёму, упадку и новому взлёту евразийства и посвящено данное исследование.

Книга Видеркера принадлежит к тем немногим монографиям, которые детально исследуют как «классическое» евразийство межвоенного периода, так и неоевразийские течения конца 20 – начала 21 столетий. Это дало автору возможность сравнить обе ситуации, в которых евразийское мировоззрение добилось определенных успехов. В обоих случаях евразийство вышло на политическую арену вследствие чрезвычайного потрясения русского самосознания; оно должно было восполнить идеологический вакуум, возникший после поражения государственных доктрин, которые легитимировали русскую империю – сначала царскую идею, а впоследствии идеологию пролетарского интернационализма. Евразийцы пытались воспрепятствовать распространению дезинтеграционных процессов, которые угрожали целостности российской империи. Для них народы евразийского субконтинента (как синоним для российской империи) представляли собой, несмотря на все их культурные, религиозные и языковые различия, - судьбоносное сообщество, которое должно быть сохранено любой ценой. По этому поводу Видеркер обоснованно подчеркивает, что «евразийская теория [...] как таковая, в сущности представляет собой реакцию на принцип права самоопределе-

ния народов, который провозгласил президент Вильсон во время Первой мировой войны. Она преследовала цель узаконить дальнейшее существование имперского государства на территории бывшей российской империи, несмотря на то, что в это же время распались многонациональные Османская империя и Габсбургская монархия» (С.112).

Как же оценивали евразийцы большевизм, которому в 1917-18гг. удалось восстановить распавшуюся российскую империю с помощью «красного террора» и идеологии пролетарского интернационализма? Этому вопросу Видеркер уделяет большое внимание. Так, он указывает, что ведущие деятели евразийского движения, прежде всего князь Николай Трубецкой, не были готовы, в отличие от сторонников «национал-большевистского» движения «Смена вех», капитулировать перед большевизмом из благодарности за спасение империи: «В отличие от евразийцев [сменовеховцы] были готовы „идти в Каноссу» и найти идеологическое обоснование сотрудничеству небольшевистской интеллигенции и советской власти» (С.55).

В противоположность сменовеховцам, евразийцы рассматривали большевиков не как союзников, а как конкурентов. Хотя они и ставили им в заслугу, что большевики, в отличие от западных демократий, придавали идеологии большое значение. Ведь политическая система, к которой стремились евразийцы, должна была быть проникнута правящей идеологией (они называли эту систему «идеократией»). И, тем не менее, евразийцы считали большевистскую идеократию чужеродным телом на евразийском пространстве: «материализм и атеизм большевиков – западного происхождения» (С.144). Идеократия в концепции евразийцев, напротив, должна была базироваться на православном христианстве. Автор по праву подчеркивает, что эта однозначная религиозная принадлежность евразийцев находилась в противоречии с их идеей евразийской народной общности, которую должны были образовать православные христиане, мусульмане и буддисты. Чтобы избежать этой дилеммы, евразийцы говорили о некой якобы бессознательной склонности мусульман и буддистов к православному христианству.<sup>1</sup>

Еще одно противоречие, присутствовавшее в программных представлениях многих евразийцев, заключалось в том, что они отводили русским руководящую роль в евразийском сообществе народов. Не в последнюю очередь из-за этого, по словам Видеркера, «тексты евразийского программного проекта [...] были для нерусских национальностей бывшей российской империи неприемлемы, так как они слишком откровенно были направлены на сохранение имперского государства и возникало подозрение, что с этой целью они и были задуманы» (С.169-170).

Тем не менее, Видеркер недооценивает тот факт, что Николай Трубецкой совершенно четко осознавал это противоречие. В 1927 он писал, что растущее национальное сознание нерусских народов делает непрочным монопольное положение русских в российской империи. В этой связи Трубецкой критиковал рус-

---

<sup>1</sup> Евразийство. Опыт систематического изложения, Париж 1926, С.20-21.

ских шовинистов. Из-за их неготовности идти на компромисс с другими народами России, они ставили на карту территориальную целостность государства. Их анахронистическое удерживание уже потерянных позиций может привести к тому, что русская империя будет сведена к ее великорусскому ядру. Время единовластия русских в России окончательно подошло к концу.<sup>2</sup>

Несмотря на все призывы Трубецкого, большинство евразийцев и далее рассматривало евразийскую программу как, по сути, российский имперский проект. Тем самым, как отметил Видеркер, этот проект не нашел достаточной поддержки среди представителей нерусских народов бывшей российской империи, что впоследствии было одной из причин провала евразийства в межвоенное время.

Еще одной, не менее важной, причиной упадка «классического» евразийства, которую подробно исследовал Видеркер, был поворот большей части изначально антибольшевистского движения влево. Так, многие евразийцы поддались тому же искушению, за которое они поначалу резко критиковали движение «Смена вех», и все теснее сотрудничали с советским режимом. Способствовали этой тенденции некоторые проникшие в ряды евразийцев советские агенты и пресловутая организация с замаскированными политическими целями советской разведки «Трест». В 1928-29 гг. произошел раскол движения. Два его основателя – Трубецкой и Петр Савицкий – дистанцировались от пробольшевистского крыла евразийства, которое сгруппировалось вокруг издававшегося в Париже журнала «Евразия». Здесь несколько вводит в заблуждение высказывание Видеркера «Трубецкой и другие официально отделились от евразийства в связи с расколом в 1929-м году» (С.43). В действительности, Трубецкой, несмотря на все свои сомнения, оставался верен евразийской идее практически вплоть до своей смерти (1938 г.). Так, в 1935 и 1937 гг. он опубликовал в 11-м и 12-м номерах «Евразийской хроники» две статьи, в которых он бесспорно представлял евразийские позиции.<sup>3</sup>

После раскола 1928-29 гг. евразийское движение потеряло былую размах и во второй половине 30-х годов сошло с политической сцены.

Подобным образом развивались события в истории еще одного движения, во многих отношениях схожего с евразийством, – немецкой «консервативной революции», пережившей свой расцвет, как и евразийцы, в 20-х годах и полностью утратившей свое влияние с установлением нацистского режима. В своем исследовании Видеркер детально останавливается на параллелях между евразийством и «консервативной революцией»: «Критика цивилизации и антипарламентаризм обоих течений основывалась на органицистическом понимании общества. Отрицание эпохи просвещения как „западной“ и мышление в геополитических категориях было для них общим. Прежде всего, их объединяет идея революционного

<sup>2</sup> Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С.24-30.

<sup>3</sup> Трубецкой Н. Об идее правительнице идеократического государства // Он же. История. Культура. Язык / Под ред. В.М. Живова. М., 1995, С.438-442; Трубецкой Н. Упадок творчества // Там же. С.444-448.

воплощения консервативных целей, образ революции для возобновления традиции» (С.147).

С помощью этих параллелей автор указывает, что евразийство со своим отрицанием «открытого общества» и либерального мышления не является типично русским феноменом, но представляет собой составную часть межнационального протеста против современности, который охватил в то время многие европейские страны.

Во второй части своей монографии автор исследует ренессанс евразийства в период заката советской империи и в постсоветскую эпоху. Чем можно объяснить это абсолютно неожиданное возвращение евразийства? Автор приводит здесь следующие причины: «Во-первых [евразийское мировоззрение] узаконило желанное многими дальнейшее существование единого государства на территории старой многонациональной империи, которой грозило разрушение и которая, в конце концов, таки распалась. Во-вторых, евразийская идеология позаботилась о том, чтобы предоставить альтернативу коллапсирующей экономической системе и режиму, которая не была простым принятием западной модели, а оправдывала ликвидацию большевистского господства в России без привлечения западных практик» (С.227).

Хотя говоря о неоевразийстве в бывшем СССР, речь идет о многогранном и многослойном феномене, тем не менее, неоевразийский дискурс в основном представлен Александром Дугиным, который для многих наблюдателей олицетворяет неоевразийскую философию в сегодняшней России. Программа Дугина подробно исследована в уже существующих исследованиях. Поэтому в своем анализе Видеркер идет уже проложенным путем. Сильная сторона его интерпретации состоит в том, что он непрерывно сравнивает постулаты Дугина с положениями «классических» евразийцев, указывая при этом на основные различия между этими двумя концепциями. Так, например, классическим евразийцам межвоенного периода было чуждо характерное для Дугина превознесение войны и насилия: «Так как в противоположность евразийцам межвоенного времени, идеология которых была изоляционистской, памфлеты Дугина регулярно заканчиваются воинственными призывами к уничтожению „атлантистов“» (С.238).

Также и «теории заговоров Дугина, пронизанные эзотерическо-окультистскими мотивами» были чужды евразийцам межвоенного времени. Другими словами дугинская программа представляет собой вариант правого экстремизма, в то время как программа классических евразийцев не была ни правой, ни левой. Ее можно назвать идеологией «третьего пути». Кроме того, по Видеркеру, неоевразийцам не хватает теоретической глубины и оригинальности их предшественников: «Никто из них не смог предложить инновационную модель, которая бы преодолевала барьеры традиционного мышления и обещала научное познание» (С.298). Этой похвалой классическим евразийцам автор вступает в определенное противоречие со своим предыдущим суждением, когда он говорил о «мнимонаучных работах евразийцев» (С.7).

Тот факт, что многие евразийцы-основатели движения, несмотря на свою идеологическую ограниченность, считались крупнейшими учеными своего времени (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Л. Карсавин, Г. Вернадский, Н. Алексеев и др.), в исследовании Видеркера недооценен. Такие бессмысленные конструкции, как расистская теория «химер» неоевразийца Льва Гумилева или оккультная «конспирология» Дугина были бы немыслимы для евразийцев первого поколения.

Несмотря на это, и здесь можно полностью согласиться с Видеркером, «воинственно антизападным и готовым к насилию неоевразийцам вокруг Дугина» (С.300) удалось своими псевдонаучными теориями оказать немалое влияние на внутрисоссийский дискурс. Тем не менее, в конце книги автор высказывает надежду, что «новая разновидность евразийства на рубеже 20-21 веков разделит судьбу оригинала и не получит политического развития» (С.300).

Монография Видеркера впечатляет своей основательностью и оригинальностью. Это в особенности относится к первой части исследования, в которой автор изучает исторический и идеологический контекст классического евразийства. Это исследование можно рекомендовать каждому читателю, который хочет получить подробную и достоверную информацию о феномене «евразийство».

*(Леонид Люкс)*

Перевод с немецкого: Елена Сивуда